

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-424-428

СОКОЛЬСКАЯ Людмила Викторовна,
декан юридического факультета
ГОУ ВО МО «Государственный гуманитарно-
технологический университет,
e-mail: cokol4512@yandex.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ КОЛЛИЗИИ И МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ РИСКИ В СПОРАХ О ВЗЫСКАНИИ ДОЛГОВ

Аннотация. Взыскание долгов в современном российском праве представляет собой многоступенчатый процесс, который неизбежно сталкивается с правами третьих лиц, вопросами собственности и процессуальными лабиринтами. В данной статье на основе анализа судебной практики 2023–2025 гг. по взысканию долгов автор исследует проблемы, возникающие при попытке кредитора получить удовлетворение своих требований за счет имущества должника. Более подробно рассмотрены проблемы «скрытых залогов», споры об общих долгах супругов при смене собственника залога, вопросы процессуального правопреемства. Изучена также практика изъятия в доход государства активов по ст. 169 ГК РФ. В заключении сформулирован вывод о том, что минимизация правовых рисков требует фиксации целевого назначения займа, получения согласия супруга и обеспечения немедленной публичности залога через внесение сведений в государственные реестры. Унификация подходов судов при рассмотрении аналогичных дел защитит добросовестных участников процесса.

Ключевые слова: общие долги супругов, банкротство физических лиц, процессуальное правопреемство, право собственности, взыскание задолженности, залог, публичность залога, юридические коллизии.

SOKOLSKAYA Lyudmila Viktorovna,
Dean of the Faculty of Law State
Humanitarian and Technological University

PROCEDURAL CONFLICTS AND SUBSTANTIVE RISKS IN DEBT COLLECTION DISPUTES

Annotation. Debt collection in modern Russian law is a multi-stage process that inevitably encounters third-party rights, property issues, and procedural complexities. In this article, based on an analysis of judicial practice in debt collection from 2023 to 2025, the author examines the problems that arise when a creditor attempts to satisfy its claims using the debtor's property. The article examines in detail the problems of «hidden pledges», disputes over joint debts between spouses when the pledge owner changes, and issues of procedural succession. The practice of seizing assets for state use under Article 169 of the Civil Code of the Russian Federation is also examined. The conclusion is that minimizing legal risks requires specifying the intended purpose of the loan, obtaining the spouse's consent, and ensuring immediate publicity of the pledge by entering information into state registries. Standardizing court approaches when considering similar cases will protect bona fide participants in the process.

Key words: common debts of spouses, bankruptcy of individuals, procedural succession, property rights, debt collection, pledge, publicity of pledge, legal conflicts.

Введение

Взыскание долгов в современном российском праве перестало быть линейной процедурой «кредитор-должник-пристав». Сегодня это сложный многоступенчатый процесс, который неизбежно сталкивается с правами третьих лиц, вопро-

сами собственности и процессуальными лабиринтами. Статистика Федеральной службы судебных приставов показывает, что у них в исполнении ежегодно находятся миллионы производств на триллионы рублей, однако эффективность взыскания часто упирается в невозможность обра-

тить взыскание на актив из-за правовой неопределенности его статуса. На основе анализа конкретных судебных дел в 2023–2025 гг. выявлены проблемы, возникающие при попытке кредитора получить удовлетворение своих требований за счет имущества должника, и предложены пути их разрешения. Теоретико-методологической основой исследования послужили принципы системного и междисциплинарного анализа, позволяющие рассматривать процесс взыскания долгов не как линейную процедуру «кредитор-должник-пристав», а как сложный многоступенчатый процесс. Анализ судебной практики по взысканию долгов подтверждает, что основным способом обеспечения долга является залог. Залог как способ обеспечения возвратности долгов исследуется в научных работах Д. Р. Акманова, В.Е. Лобашука М. В. Макаричева, А. Н. Фролова, С. И. Черепанова и др. Однако сегодня существуют определенные процессуальные коллизии и материально-правовые риски при возврате долга, его обеспечении, государственной регистрации залога и его учете.

Результаты исследования и их обсуждение.

Одним из основных способов обеспечения возвратности долгов является залог. Однако его эффективность напрямую зависит от принципа публичности (внесения сведений в реестр). Как показывает анализ, проведенный В.Е. Лобашуком, на практике существует проблема «двойных стандартов» регистрации и «скрытых залогов» [1].

Законодатель предусмотрел механизм защиты добросовестного приобретателя: если покупатель не знал и не мог знать о залоге (если, например, в реестре уведомлений о залоге движимого имущества отсутствует запись), залог прекращается (п. 1 ст. 352 ГК РФ). Однако в судебной практике можно найти немало примеров, которые свидетельствуют о наличии проблем, возникающих в спорах о взыскании долгов. Рассмотрим некоторые из них более подробно.

1. Последствия отсутствия сведений о регистрации залога для покупателя. Показательным является дело, рассмотренное Судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда РФ (Определение от 28.05.2024 № 44-КГ24-4-К7). Факты дела: Гражданин Л. приобрел транспортное средство, которое, как выяснилось позже, было заложено. Покупатель проверил машину по базам ГИБДД и не нашел ограничений. Однако он не проверил купленное транспортное средство по реестру уведомлений о залоге движимого имущества, размещенном в свободном доступе на официальном сайте Феде-

ральной нотариальной палаты. Хотя там ранее были размещены сведения о залоге на данное транспортное средство с указанием его марки и идентификационного номера. В процессе разбирательства суд установил, что препятствий, объективно не позволяющих покупателю осуществить такую проверку, не имелось. Нижестоящие суды отказали гражданину Л. в признании его добросовестным, указав, что запись непосредственно в нотариальном реестре создает презумпцию осведомленности («эффект видимости»). Верховный Суд поддержал эту позицию, фактически указав, что отсутствие данных в ГИБДД не освобождает покупателя от проверки нотариального реестра, размещенном в свободном доступе на официальном сайте Федеральной нотариальной палаты [7]. Данный пример из судебной практики подтверждает строгий подход к наличию «правоподтверждающей» регистрации. Даже если покупатель проявил осмотрительность, но посмотрел «не в тот» реестр, рискует потерять имущество.

2. Последствия отсутствия регистрации залога для кредитора. Обратную ситуацию иллюстрирует постановление Арбитражного суда Уральского округа от 12.05.2022 по делу № А60-32807/2020. Факты дела: Подана жалоба Банком «ФК Открытие» об ошибочных выводах суда первой инстанции о том, что отсутствие записи в реестре уведомлений о залоге движимого имущества исключает возможность признания статуса залогового кредитора. Банк полагает, что данные правила распространяются исключительно на отношения залогодержателя с третьими лицами, также являющимися залогодержателями одного и того же имущества должника. Отказ суда в признании залогового статуса банка был предопределен нарушением принципа публичности. «Исследовав и оценив представленные в материалы дела доказательства, приняв во внимание вышеприведенные положения закона, исходя из того, что сведения о залоге имущественных прав до введения в отношении должника процедуры конкурсного производства и заявления возражений не были внесены в реестр уведомлений о залоге движимого имущества, доказательств осведомленности иных кредиторов о наличии у Банка «ФК Открытие» залоговых прав на вышеуказанное имущество не представлено, суды первой и апелляционной инстанций правомерно отказали в установлении требований Банка «ФК Открытие» как обеспеченных

залогом имущества должника» [8]. Как следует из вышеизложенного ключевую роль в данном случае сыграл временной фактор. Сведения об обременении появились в реестре уведомлений уже после возбуждения дела о несостоятельности и поступления возражений от иных кредиторов. Применив п. 4 ст. 339.1 ГК РФ, суды указали на отсутствие свойства противопоставимости у незарегистрированного залога. Тем самым было подтверждено, что в контексте банкротства запись в реестре трансформируется из технической формальности в конститутивный элемент, без которого кредитор утрачивает право на приоритетное удовлетворение требований.

3. Трансформация личных долгов супругов в общие (бремя доказывания). Самой острой категорией споров остаются дела о взыскании долгов с супругов. Кредиторы стремятся признать долг общим, чтобы обратить взыскание на все имущество семьи, а не только на долю должника. Ранее суды часто исходили из презумпции: если кредит взят в браке, значит, он пошел на нужды семьи. Однако, как отмечает Е.В. Буторина, практика 2024–2025 годов кардинально изменилась, возложив бремя доказывания на кредитора, что создает для банков серьезные трудности [2].

Поворотным моментом в распределении бремени доказывания стало Определение Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 10-КГ24-1-К6. Высшая инстанция сформулировала жесткий критерий. Ссам по себе факт получения кредита одним из супругов в период брака не порождает презумпцию общности долга. Юридически значимым обстоятельством теперь выступает не дата договора, а целевое использование средств. Суд подчеркнул, что именно истец-кредитор обязан представить неопровержимые доказательства того, что заемные средства были потрачены на нужды семьи (например, на приобретение общего имущества), а не на личные цели заемщика. Данный подход на практике уже применяется в судах нижней инстанции. Так, Арбитражный суд Московского округа в постановлении от 14.02.2024 по делу № А40-98168/2020 поддержал отказ о взыскании долга с супруги банкрота. Кассация отметила, что аргументы банка, основанные на тезисе «деньги в семье общие», носят вероятностный характер и не могут подменять собой прямые доказательства расходования средств на семейные нужды.

Еще более сложная правовая коллизия, касающаяся конкуренции банкротных процедур, была разрешена в Определении Верховного суда

РФ от 20.05.2024 № 306-ЭС23-26737. В данном деле банк пытался признать долг общим в рамках банкротства мужа, несмотря на то, что его супруга ранее уже прошла процедуру личного банкротства и была освобождена от исполнения обязательств. Верховный Суд пресек попытку кредитора обойти закон, указав на недопустимость ревизии итогов завершеного банкротства. После завершения процедуры реализации имущества одного из супругов в силу пункта 1 статьи 408 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.28 Закона о банкротстве общие обязательства этого и второго супругов трансформируются в личные обязательства второго супруга, которые погашаются за счет его имущества и его доли в общем имуществе супругов в соответствии с положениями пункта 1 статьи 45 Семейного кодекса Российской Федерации, пункта 7 статьи 213.26 Закона о банкротстве [9]. Поскольку супруга была освобождена от долгов, обязательство трансформировалось в сугубо личный долг мужа. Этим решением Суд фактически заблокировал для кредиторов возможность «заходить с черного входа» – то есть пытаться взыскать уже списанный долг через банкротство второго супруга, тем самым защитив институт освобождения гражданина от обязательств.

4. Процессуальные проблемы при отчуждении спорного имущества. Серьезным вызовом для кредитора остается ситуация, когда должник успевает произвести отчуждение предмета залога (квартиры или автомобиля) непосредственно в ходе судебного разбирательства. На актуальность проблемы процессуального правопреемства в таких спорах указывает в своем исследовании Д.Р. Акманов [3].

На практике суды нижестоящих инстанций нередко допускают ошибку, продолжая рассматривать требования к первоначальному собственнику, утратившему титул. Показательным примером служит позиция Второго кассационного суда по гражданским делам общей юрисдикции, отраженная в Определении от 06.10.2020 по делу № 88-18091/2020. В рамках этого спора суд первой инстанции вынес решение об обращении взыскания на автомобиль, несмотря на то что ответчик продал его до завершения процесса. Кассационная инстанция отменила данный акт, подчеркнув его заведомую неисполнимость: юридически невозможно обратить взыскание на имущество, которое более не принадлежит ответчику. Суд разъяснил, что в подобных случаях необходимо либо привлекать нового собственника в качестве соответчика, либо оформлять процессуальное правопреемство. Однако данная правовая конструкция создает для истцов существенные риски.

Необходимость постоянного обновления круга ответчиков позволяет недобросовестным должникам использовать тактику «каскадных продаж» для намеренного затягивания судебного процесса.

5. Антисоциальные сделки: пределы вмешательства государства. Заметной тенденцией правоприменения 2023–2025 годов стала активизация прокурорских исков об изъятии активов в доход государства на основании ст. 169 ГК РФ (сделки, противные основам правопорядка). На противоречивость формирующейся практики по данной категории дел и риски расширительного толкования закона обращает внимание Э. И. Девицкий [4].

На протяжении длительного периода суды демонстрировали лояльность к таким требованиям, взыскивая в бюджет средства, полученные в результате мнимых сделок или коррупционных схем. Однако как отмечает Э.И. Девицкий произошли существенные изменения в практике применения судами положений ст. 169 ГК РФ. «Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации последовательно отменила несколько решений о взыскании в доход государства денежных средств, полученных по антисоциальным сделкам, связанным с совершением преступлений, которые были оставлены в силе судами апелляционной и кассационной инстанций. Основная аргументация Верховного Суда Российской Федерации сводится к тому, что взыскание на основании ст. 169 ГК РФ в доход Российской Федерации всего полученного по такой сделке возможно в случаях, предусмотренных законом [4, с. 94]. Следовательно, если прокурор не подкрепляет требование ссылкой на специальный закон (например, законодательство о противодействии коррупции), взыскание в доход государства невозможно. Эта позиция фактически ставит заслон практике «гражданской конфискации» без достаточных правовых оснований.

6. Исполнительная надпись нотариуса. Институт исполнительной надписи позиционируется как способ разгрузки судов, однако на практике он порождает массу споров, особенно при взыскании движимого имущества (лизинг, залог). Г.О. Такишева, анализируя опыт нотариусов Казахстана и России, указывает на проблему оценки стоимости [5]. В нотариальной практике сложилась тупиковая ситуация: чтобы взыскать предмет лизинга, нотариус должен исчислить тариф от стоимости имущества. Но кто должен делать оценку? Если взыскатель принесет свой отчет, он не будет бесспорным для должника. Это подтверждается практикой

отказов нотариусов в совершении надписи при истребовании движимого имущества, так как механизм расчета тарифа и подтверждения бесспорности стоимости законодательно не урегулирован. В России аналогичные риски возникают при попытках расширить применение надписи на долги ЖКХ, где споры о качестве услуг и тарифах делают требование далеко не бесспорным. [6]

Заключение.

Вышеизложенные факты судебной практики позволяют сформулировать следующие выводы:

1. Трансформация стандарта добросовестности. Критерии осмотрительности приобретателя ужесточились: проверки баз ГИБДД недостаточно, обязательным условием стала верификация сведений в нотариальных реестрах. Судебная практика закрепляет безусловный приоритет принципа публичности (наличия формальной записи) над фактом субъективной неосведомленности покупателя.
2. Перераспределение бремени доказывания. В спорах о взыскании задолженности с супругов правоприменительный вектор сместился в сторону защиты интересов супруга, не являющегося стороной кредитного договора. Обязанность доказать расходование средств на нужды семьи возложена на кредитора. При отсутствии прямых документальных подтверждений (платежных документов, договоров) признание долга общим становится практически нереализуемым.
3. Процессуальное правопреемство. Императивность процессуальных норм требует учета перехода права собственности на спорное имущество непосредственно в ходе судебного разбирательства. Вынесение решения в отношении прежнего собственника влечет отмену судебного акта как неисполнимого. Что обязывает истцов своевременно инициировать привлечение новых владельцев к участию в деле.
4. Пределы применения конфискационных мер. Верховный Суд РФ сузил сферу действия ст. 169 ГК РФ в части обращения имущества непосредственно в доход государства. Установлен запрет на расширительное толкование нормы: применение конфискационных санкций допустимо исключительно при наличии прямого указания в специальном законе.

Таким образом, от превентивных действий кредитора на стадии оформления обязательства зависит непосредственно эффективность взыска-

ния напрямую. Минимизация правовых рисков требует фиксации целевого назначения займа, получения согласия супруга и обеспечения немедленной публичности залога через внесение сведений в государственные реестры.

Список литературы:

[1] Лобашук В. Е. Принцип публичности залога имущественных прав: проблемы правоприменительной практики и законодательные риски // Право и политика. 2025. № 5. С. 1–14.

[2] Буторина Е. В. Основания и порядок признания обязательств общим долгом супругов // Государственная служба и кадры. 2025. № 1. С. 122–126.

[3] Акманов Д. Р. Влияние отчуждения предмета залога на надлежащий состав лиц, участвующих в деле об обращении взыскания на заложенное имущество // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2025. № 5. С. 55–63.

[4] Девицкий Э. И. Проблемы применения норм о взыскании в доход государства имущества, полученного по сделкам, противным основам правопорядка или нравственности // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. № 2 (106). С. 91–97.

[5] Такишева Г. О. Можно ли взыскать движимое имущество по исполнительной надписи или это еще один «пробел» нашего законодательства? // Вестник Института законодательства и правовой информации РК. 2025. № 3 (80). С. 143–155.

[6] Михайлова Е. В. Внесудебное взыскание задолженностей по жилищно-коммунальным платежам на основании исполнительной надписи нотариуса: постановка проблемы // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 2 (80). С. 52–58.

[7] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28.05.2024 № 44-КГ24-4-К7 // Кодексы online <https://gkrfkod.ru/pract/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-28052024-n-44-kg24-4-k7-uid-59rs0007-01-2022-004801-48/>

[8] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 12.05.2022 по делу № А60-32807/2020 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. <https://sudrf.cntd.ru/document/54865840918>.

[9] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от

20.05.2024 № 306-ЭС23-26737 // Правовой портал. <https://nerralaw.ru/tpost/0ejmrpb2g1-verhovnii-sud-razyasnil-posledstviya-pri>

References:

[1] Lobashchuk V.E. The principle of publicity of the pledge of property rights: problems of law enforcement practice and legislative risks//Law and politics. 2025. № 5. S. 1-14.

[2] Butorina E.V. Grounds and procedure for recognizing obligations as a common duty of spouses//Public service and personnel. 2025. № 1. S. 122-126.

[3] D.R. Akmanov. Impact of Alienation of the Collateral on the Proper Composition of Persons Involved in Foreclosure Proceedings//Electronic Appendix to the Russian Law Journal. 2025. № 5. S. 55-63.

[4] Devitsky E. I. Problems of applying the rules on the recovery of property received under transactions contrary to the foundations of law and order or morality into state revenue//Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2025. № 2 (106). S. 91-97.

[5] Takisheva G. O. Is it possible to recover movable property according to the executive inscription or is this another "gap" in our legislation?//Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. 2025. № 3 (80). S. 143-155.

[6] Mikhailova E.V. Extrajudicial collection of debts on housing and communal payments on the basis of the notary's executive inscription: posing a problem//State of law: theory and practice. 2025. № 2 (80). S. 52-58.

[7] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 28.05.2024 No. 44-KG24-4-K7//Codes online <https://gkrfkod.ru/pract/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-28052024-n-44-kg24-4-k7-uid-59rs0007-01-2022-004801-48/>

[8] Decision of the Arbitration Court of the Ural District dated 12.05.2022 in case No. А60-32807/2020//Archive of decisions of arbitration courts and courts of general jurisdiction. <https://sudrf.cntd.ru/document/54865840918>.

[9] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 20.05.2024 No. 306-ES23-26737//Legal Portal. <https://nerralaw.ru/tpost/0ejmrpb2g1-verhovnii-sud-razyasnil-posledstviya-pri>

